

МАЛОРОССІЙСКІЯ ВЕЧЕРНИЦЫ.

Tempora mutantur et mores mutantur.

Великій нашъ писатель Н. В. Гоголь въ своихъ превосходныхъ по языку и поэтической концепціи очеркахъ изобразилъ, много лѣтъ тому назадъ, нравственную фізіономію малоросса, въ которой на первомъ планѣ выступаетъ поэтическое творчество, — создавшее столько чудныхъ пѣсенъ то элегическихъ, то бурно веселыхъ, — и невообразимая лѣнь, воплощеніемъ которой является знаменитый колдунъ Пацюкъ, силою одного только діавола, но не дѣлая ни малѣйшаго движенія рукою, заставлявшій прыгать себѣ въ ротъ вареники и галушки. Кому неизвѣстны „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, въ которыхъ Гоголь съ такимъ неподражаемымъ юморомъ рисуетъ намъ обманутыхъ мужей и деревенскихъ камелій и съ такою теплотою чувства и любовью — юныхъ дѣвъ Украйны въ видѣ Оксаны, Маруси и т. д. Изъ тѣхъ же вечеровъ

мы узнаемъ о вечернихъ собраніяхъ (вечерницахъ) парней и дѣвушекъ подъ Рождество, гдѣ смѣхъ и веселіе говорятъ о беззаботной, но полной дорогой простоты жизни молодого поколѣнія. А посмотрите, какъ просты, но какъ глубоко трогательны отношенія влюбленнаго парня къ предмету своего сердца. Возьмите, на примѣръ, кузнеца Вакулу! Какой поэзіи исполнена его любовь къ Оксанѣ! Онъ любитъ ее сильно, страстно; онъ готовъ для нее сдѣлать что угодно, даже на чортѣ съѣздить въ Петербургъ; онъ спитъ и думаетъ только о томъ счастьи, когда онъ назоветъ ее своей женой, но въ то же время, оставаясь съ ней наединѣ, онъ даже съ нѣкоторымъ страхомъ позволяетъ себѣ прижать ее къ своему сердцу и просить, какъ милости, ободренный тѣмъ, что его не отталкиваютъ, одного, всего одного поцѣлуя и въ отвѣтъ на такую мольбу получаетъ отказъ отъ этой гордой, неприступной деревенской красавицы, предъявляющей къ своему тайно милому не-

возможныя требованія. Или вотъ передъ вами другой влюбленный, Левко („Майская ночь“)! Посмотрите, съ какой нѣжностью и цѣломудріемъ смотритъ онъ на спящую Ганну! „Тутъ онъ приблизился къ хатѣ, говорится въ повѣсти: окно было открыто, лучи мѣсяца проходили черезъ него и падали на спящую передъ нимъ Ганну; голова ея оперлась на руку; щеки тихо горѣли; губы шевелились, неясно произнося его имя“. „Спи, моя красавица! Приснишь тебѣ все, что есть лучшаго на свѣтѣ; но и это не будетъ лучше нашего пробужденія!“ Перекрестивъ ее, закрылъ онъ окошко и тихо удалился. Таковы картины, рисуемыя Гоголемъ. Конечно это не дагеротипъ, но кто же можетъ требовать отъ поэзіи дагеротипнаго изображенія жизни? Тѣмъ не менѣе онѣ, эти картины, основаны на правдѣ, жизнь давала матеріалъ великому поэту для изображенія ихъ, а высокая поэтическая натура его и любовь къ дорогой Украйнѣ переработали этотъ матеріалъ

въ дивныя созданія поэзіи. Кто помнить старое время, тотъ не можетъ не согласиться, что всѣ эти Оксаны, Маруси, Ганны дѣйствительно жили, любили и страдали. Кто родился въ Малороссіи, тотъ, вѣроятно, и до сихъ поръ слышитъ мысленнымъ ухомъ своимъ чудные меланхолическіе напѣвы своей няни, напѣвы, которые, быть можетъ, убаюкивали его.

А теперь, что стало съ совсей этой поэзіей? Молодая дѣвушка, которая въ былое время пѣла бы „Віють вітри, віють буйні“, или „Стоить гора высокая“ напѣваетъ теперь, убійственно коверкая слова, „Возьми въ руки пистолетъ“ или „Стрѣлочка“. Какая жалкая замѣна!

Но оставимъ однако прошедшее, — что было, то прошло и бывшемъ поросло! Обратимся къ современнымъ нравамъ и займемся описаніемъ того, что на малороссійскомъ языкѣ называется „вечерницами“, а по русски „посидѣлками“.

Вечерницы и досѣтки общепотре-

бительное названіе вечернихъ собраній парней и дѣвушекъ, но существуетъ и другое названіе — „улиця“. Между этими названіями различіе заключается въ томъ, что подъ первыми двумя разумѣются собранія зимой въ хатѣ, а подъ послѣднимъ — лѣтомъ на улицѣ.

Вечерницы происходятъ обыкновенно всегда въ одной и той же просторной хатѣ извѣстной улицы. Сюда, по вечерамъ, но преимущественно подъ праздники, собираются парни и дѣвушки съ этой улицы; съ другой же улицы на такія собранія парни не допускаются.

Дѣвушки въ складчину приготовляютъ ужинъ, состоящій изъ жареной птицы и хлѣба (часто то и другое варится), а парни обязаны принести съ собою водку.

Когда всѣ въ сборѣ, вечеръ открывается хоровымъ пѣніемъ. Но что это за пѣніе! Увы, вы не услышите уже болѣе ни старинныхъ чудныхъ пѣсенъ про Наливайку или Острияницу, ни старыхъ пѣсенъ любви, а какую то

галиматью въ духѣ фабричнаго поэтического творчества. Намъ приходилось спрашивать, отчего не поютъ, ну положимъ, хотя такую то пѣсню. На это получался обыкновенно отвѣтъ: „це пісня мужицка, — мы її не співаємо; старі колись співали“. Пѣніе не составляетъ главнаго занятія собравшейся компаніи и поэтому весьма часто прерывается то для того, чтобы обнести водкой дорогихъ гостей, причомъ отъ нея прекрасный полъ хотя и отказывается, но всегда выходитъ, что къ концу вечера онъ, т. е., прекрасный полъ, сильно выпивши; то для того, чтобы заку-

сить, а иногда и просто такъ, чтобы поболтать: болтаютъ все, что взбредетъ на умъ, и отпускаютъ иногда шуточки и остроты, способныя покоробить даже не очень застѣнчиваго мужчину, между тѣмъ „дівчата“ принимаютъ ихъ съ хохотомъ, чѣмъ, очевидно, обнаруживаютъ свою склонность къ подобнымъ шуточкамъ и остротамъ. Въ pendant къ этому хохоту слышится иногда страшный визгъ и крикъ тѣхъ

изъ дѣвицъ, которыхъ кавалеры черезчуръ ужъ нахальны. Пѣніе часто сопровождается танцами, состоящими изъ мѣрныхъ движеній, изъ подергиваній плечами и всѣмъ тѣломъ.

Это времяпровожденіе тянется далеко за полночь. Конецъ бываетъ такой: каждая дѣвушка выбираетъ себѣ милаго друга и съ нимъ отправляется спать куда-нибудь въ укромное мѣсто, если это лѣтомъ, а если зимою, то всѣ дѣвицы съ избранниками своихъ сердецъ ложатся на полу хаты въ повалку.

Итакъ, влюбленныя пары спятъ мирнымъ сномъ. Но далеко не всегда такъ спокойно кончаются вечерницы. Не нужно забывать, что при свободномъ выборѣ друга сердца, могутъ многіе изъ парней остаться за штатомъ. Эти заштатные отправляются обыкновенно искать, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ, т. е. на другую улицу и пытаются тамъ, на другихъ вечерницахъ занять мѣсто, въ которомъ имъ

отказали на своихъ. Что изъ этого произойти можетъ, читатель, конечно, догадывается самъ: происходитъ драка, результатомъ которой оказываются нѣсколько человѣкъ съ разбитыми лицами, а иногда даже съ поврежденными членами.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всего сказаннаго. Выводъ очень печальный. Впервые, по сравненіи съ прежнимъ, современныя вечерницы говорятъ о значительномъ упадкѣ нравственности. Въ то время какъ прежде, парень, обезчестившій дѣвушку подвергался общему позору, какъ человѣкъ, совершившій преступленіе, теперь такой поступокъ считается геройствомъ. Во вторыхъ, безъ всякаго сравненія, эти собранія, какъ онѣ существуютъ въ настоящее время, представляютъ собой крайне безнравственный обычай, искорененіе котораго желательно. Въ избахъ, гдѣ происходятъ вечерницы, сидятъ часто дѣти хозяйки, и какой-нибудь разгулявшійся парень лѣзетъ

съ возмутительными предложеніями (положимъ, въ шутку) къ 13 лѣтней дѣвочкѣ. Что же можно ожидать отъ молодого поколѣнія, растущаго при обстановкѣ, въ которой цѣломудріе считается смѣшной и не нужной вещью.

Не удивительно послѣ этого, что обольщеніе дѣвушки въ кругу современныхъ парней не считается дѣломъ позорнымъ, а служить скорѣе доказательствомъ извѣстнаго ухарства и удалства. Чѣмъ же можно объяснить искаженіе стараго обычая, по своей сущности вовсе не безнравственнаго? Объясняется, думаемъ, разрушеніемъ вообще патріархальныхъ отношеній, происшедшемъ отъ прикосновенія крестьянъ съ городомъ, фабрикой и заводомъ. Сильное развитіе, въ послѣднее время, въ нашемъ краѣ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ дало возможность крестьянамъ часто бывать въ городѣ, ходить туда на заработки. Попадая въ городъ и оставаясь здѣсь въ качествѣ работника—поденщика или фабричнаго, крестья-

нинъ знакомился со всѣми грязными, но тѣмъ не менѣе иногда заманчивыми сторонами городской жизни.

Будучи человѣкомъ совершенно невѣжественнымъ и только по традиціи нравственнымъ, крестьянинъ быстро увлекался различными солбазнами городской жизни, и, не сдерживаемый „общественнымъ мнѣніемъ“, если можно только назвать общественнымъ мнѣніемъ то, что господствуетъ въ деревнѣ надъ каждымъ ея обитателемъ, онъ окончательно погружался въ развратную и разгульную жизнь. Какъ хотите, для человѣка совершенно необразованнаго и, слѣдовательно, неспособнаго выработать себѣ твердыхъ правилъ поведения, удержаться отъ разврата, недаромъ называемаго поэтомъ „упойтельнымъ грѣхомъ“, чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что въ него впадаютъ нерѣдко люди даже очень образованные. Если къ этому еще прибавить страшное распространеніе пьянства въ городѣ и въ деревнѣ, то ста-

нетъ вполне понятно, какъ легко и быстро долженъ развращаться деревенскій юноша, попавшій на болѣе или менѣе продолжительное время въ городъ, заводъ или фабрику.

Представьте теперь, что такой юноша послѣ долгихъ странствій по фабрикамъ и заводамъ, возвращается вновь въ деревню. Что можетъ онъ внести въ бытъ своихъ согражданъ? какимъ коварнымъ искусителемъ станетъ онъ для деревенскихъ парней? Какихъ чудесъ не наговоритъ онъ имъ о городѣ и его прелестяхъ? Деревенская молодежь, падкая до всякой новинки, а въ особенности заманчивой, станетъ слушать его, развѣся уши. Частыя посѣщенія такихъ искушонныхъ городскихъ опытомъ молодцовъ, еще болѣе частыя, хотя короткія, сношенія многихъ жителей деревни съ городомъ, мало по малу измѣняютъ общественное мнѣніе и дѣлаютъ его снисходительнымъ къ тому, что мы привыкли называть „шалостями молодежи“.

Легкій взглядъ на отношенія къ женщинамъ, полученный въ городѣ, будучи перенесенъ въ сферу обычая собираться по вечерамъ парнямъ и дѣвушкамъ вмѣстѣ, непременно долженъ былъ привести къ полной деморализаціи.

Можно указать на множество другихъ не столь важныхъ причинъ, между которыми не послѣднюю роль играетъ воинская повинность, отрывающая весьма часто мужей отъ жонъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ женитьбы. Но это причина, впрочемъ, довольно старая, такъ какъ контингентъ гулящихъ бабъ всегда преимущественно пополнялся солдатками.

Оканчивая свой очеркъ, мы спѣшимъ оговориться, что наши наблюденія не простирались на глушь полтавской, курской и другихъ малоросійскихъ губерній, а ограничивались только пригородами Харькова и другихъ городовъ. Тамъ, быть можетъ, и понынѣ господствуютъ старыя патріархальные нравы.